

**«По тем вестям, которые
приходят ис...»: о новом
томе Вестей-Курантов**

[Рец.: *Вести-Куранты: 1671–1672 гг.* / Подгот. текстов, исследования, коммент., указатели И. Майер, С. М. Шамина, А. В. Кузнецовой, И. А. Корнилаевой и В. Б. Крысько при участии Е. В. Амановой; под ред. В. Б. Крысько и И. Майер. Москва, 2017, 806 с., илл., 27 см]

Ольга Сергеевна Сапожникова
Библиотека Российской академии наук
С.-Петербург, Россия

**«According to the News that
Come from...»: About the New
Volume of Vesti-Kuranty**

[Rev. of: *Vesti-Kuranty: 1671–1672*, preparation, research, commentary by I. Maier, S. M. Shamin, A. V. Kuznetsova, I. A. Kornilaeva, V. B. Krysko with contribution of E. V. Amanova, ed. by V. B. Krysko, I. Maier, Moscow, 2017, 806 pp., illustr., 27 cm]

Olga S. Sapozhnikova
Russian Academy of Sciences Library
St. Petersburg, Russia

Резюме

Рецензия посвящена очередному тому большого проекта Института русского языка им. В. В. Виноградова, который выполняется коллективом авторов уже почти полвека, — изданию Вестей-Курантов. Вести-Куранты — это русские сводки иностранной печати, своеобразные средневековые дайджесты новейших и главных событий политической жизни XVII в., составлявшиеся столичными чиновниками-дипломатами (дьяками и переводчиками Посольского приказа) и предназначенные для избранного круга — исключительно для ознакомления русского правительства, т. е. царя и Боярской думы. Седьмой том позволяет проследить

Цитирование: Сапожникова О. С. «По тем вестям, которые приходят ис...»: о новом томе Вестей-Курантов // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 526–542.

Citation: O. S. (2019) «According to the News that Come from...»: About the New Volume of Vesti-Kuranty. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 526–542.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.20

развитие издательских методик для передачи текстов этого типа документов. Со времени выхода первого тома в 1972 г. принципиально изменилась структура издания, поскольку теперь вместе с русскими текстами реферативного характера публикуются выявленные иностранные первоисточники, подробно комментируются приемы рецензирования и создания сообщений на основе разных сведений — в т. ч. отсутствующих в оригиналах, но известных русским дипломатам. Вести-Куранты являются ценнейшим источником по истории внешней политики России, по литературному, политическому языку образованных слоев московского общества и по восприятию артефактов иных культур. По мнению автора рецензии, методы издания Вестей-Курантов еще будут совершенствоваться, поскольку каждый новый этап работы с увеличивающимся от года к году объемом материала заставляет апробировать разные способы передачи текстов.

Ключевые слова

Вести-Куранты, средневековые дайджесты, переводные памятники, внешняя политика Московской Руси, методы издания древнерусских текстов

Abstract

The article is devoted to the discussion of the new issue of *Vesti-Kuranty*, a large project of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, spanning almost half a century and performed by a whole team of authors. *Vesti-Kuranty* are Russian foreign press reports, a sort of medieval digests from the most recent publications about the main events in the political life of the 17th century. The content of the seventh volume allows one to trace the development of publishing techniques of this special type of documents compiled by the diplomatic workers of the capital (government officials of the Ambassadorial Order) and intended for the chosen audience – only the Russian government, that is, the Tsar and the Boyars дума. Since the publication of the first volume in 1972, the structure of the work has fundamentally changed, since the Russian digest texts are now published side-by-side with their identified foreign sources; the researchers go to the finest detail to explain all the different methods of message composing, which have been based on a vast amount of information (including that which was missing in the originals, but was well-known by the Russian clerks). *Vesti-Kuranty* is one of the most valuable sources on the history of Russian foreign policy, the literary and political language of the educated segment of Moscow society, their perceptions and attitudes towards the artifacts of foreign cultures. The author of this review thinks that the methods of publication of *Vesti-Kuranty* will continue improving. The publishers are forced to test different ways of presenting the text to their readers, because each new issue of *Vesti* contains more and more material from year to year as new facts are uncovered.

Keywords

Vesti-Kuranty, medieval digests, translated works, the foreign policy of Moscow Russia of the 17th century, methods of publishing old Russian text

В 2017 г. вышел седьмой том Вестей-Курантов (далее В-К) за 1671–1672 гг. Издание Института русского языка им. В. В. Виноградова можно считать серийным (несмотря на то что таковым оно не значится в отечественных каталогах), поскольку это последовательное издание в хронологическом порядке одного типа материалов — русских сводок иностранной печати о политических событиях в мире, предназначенных для чтения русскому правительству. Содержание

каждого нового тома неразрывно связано с предыдущим и продолжает его, что позволяет проследить развитие жанра В-К. Все тома имеют одинаковое название (кроме указания хронологических рамок), сквозная нумерация томов изначально не подразумевалась [Вести-Куранты 1972–2017]. Семь томов В-К являются итогом многолетней, трудоемкой и кропотливой работы многих ученых с источниками разной степени сохранности, рассеянными по хранилищам и собраниям, имеющими зачастую спорную датировку. На примере седьмого тома В-К можно наблюдать традицию и эволюцию изучения и издания этого особого типа документов, который хоть и оказался в поле зрения ученых уже в XIX в., все же редко привлекается в исследованиях по истории и культуре XVII в.

Седьмой том состоит из исследовательской [Вести-Куранты 1972–2017, 7: 3–48], эдиционной [Ibid.: 51–598] частей, указателей [Ibid.: 601–752], черно-белого воспроизведения некоторых фрагментов русских В-К и их иностранных оригиналов [Ibid.: 755–803]. Исследовательская часть содержит традиционное для издания В-К «Историко-археографическое введение», в котором дается краткая историческая справка об особенностях издаваемых материалов данного периода, работы над ними в Посольском приказе и хранении, распределении материалов по единицам издания. Введение включает «Описание архивных дел», оформленное в виде таблиц, где даны краткие сведения о содержании публикуемых единиц, кодикологические сведения и датировки. В исследовательской части помещены также привычные «Принципы воспроизведения и комментирования текста». На этом традиционность исследовательской части седьмого тома заканчивается, и начинаются отсутствовавшие в предыдущих томах разделы, раскрывающие новый этап изучения языка В-К и способов его публикации. Что же касается эдиционной части, то ее принципы были апробированы в предыдущем томе, который, на наш взгляд, стал событием не только для истории изучения данного жанра, но и для отечественной медиевистики в целом. На новаторстве шестого тома и его отличиях от предыдущих пяти выпусков В-К стоит остановиться подробнее, поскольку авторы седьмого тома их продолжают и развивают.

С 1972 г. — времени выхода в свет первого тома В-К — полностью сменился коллектив авторов, произошли существенные изменения принципов публикации русских материалов, а в 2008–2009 гг. (т. 6, ч. 1, 2) была решена задача, сформулированная для издания этого жанра документов еще в 1902 г. Императорской археографической комиссией. Тогда, несмотря на положительные отзывы ведущих отечественных историков (например, Н. П. Лихачева и С. А. Белокурова), издание подготовленных Н. В. Голицыным к печати курантов 1621–1646 гг. было отложено в связи с мнением Комиссии о необходимости публикации русских переводов совместно с их иностранными оригиналами. По объективным причинам максималистская и преждевременная задача не могла быть выполнена в течение всего XX в. и надолго лишила специалистов по международным связям и вообще истории и культуре Московской Руси XVII в. интереснейших источников. В итоге мнение о слабой осведомленности русского правительства в делах европейских государств, незаинтересованности в налаживании контактов с протестантскими странами, малограмотности государственных служащих до реформ Петра I надолго стало общим местом в отечественной историографии. Только в шестом томе В-К (2008 г.), более чем через сто лет после отказа Голицыну в публикации,

впервые состоялось издание русских сводок и их первоисточников. Начиная с первого тома, авторы, как будто оправдываясь, сообщали вновь и вновь, что «работа по подысканию иноязычных оригиналов к публикуемым текстам еще впереди» [Вести-Куранты 1972–2017, 5: 5]. Несомненно, что опубликованные русские сводки ценны даже вне контекста иностранной прессы, однако идентификацию оригиналов можно считать знаменательной вехой для источниковедения. Сопоставление иностранных новостных изданий и их переводов позволяет теперь исследователям увидеть «кухню» русской внешней политики, составить представление об интересе русского двора к событиям религиозной и культурной жизни Европы, снять вопросы об оригинальном или переводном характере ряда текстов, которые органично вошли в древнерусскую книжность, но получили в ряде случаев ошибочную атрибуцию.

Введение рядом библиотек Европы в открытый доступ периодических и прочих изданий, интенсивность отечественной и зарубежной каталогизации, оперативность обмена информацией в XXI в. сделали выявление и атрибуцию иностранных документов, с которыми работали служащие Посольского приказа, более вероятными. Но даже современные технологии никогда не заменят мастерство и научную интуицию исследователя. Участие в издании В-К профессора Упсальского университета, слависта Ингрид Майер стало поворотным для этого многолетнего проекта. В 2008 г. вышла подготовленная ею часть, содержащая исключительно публикацию идентифицированных иностранных источников курантов и комментариев к ним (ч. 2. Вести-Куранты за 1656, 1660–1662, 1664–1670 гг.). Часть 1 с русскими текстами увидела свет в 2009 г. Приоритеты внешней политики России в XVII в., обусловленные расширением границ, в т. ч. воссоединением с Украиной (1653 г.), а значит, и столкновением с интересами нескольких больших государств на западных рубежах, стимулировали правительство и дипломатов к сбору и анализу информации о военных союзах, вооруженных конфликтах, к изучению родственных связей правящих особ и определению основных идеологов европейской политики. К 1670-м гг. поток печатных изданий из-за рубежа становится регулярным и все более интенсивным. Как показали авторы шестого тома, сводки и их оригиналы — яркие образцы сознательного отбора служащими Посольского приказа материала по основным направлениям русской внешней политики. Методы же отбора и избирательность при составлении сводок для чтения царю и Боярской думе — свидетельства самостоятельной и высокопрофессиональной работы переводчиков приказа, на которых возлагалась ответственность за объективное, оперативное и доступное для правительства отображение материала политического характера.

Подготовленный И. Майер труд можно назвать новаторским монографическим исследованием, поскольку издание текстов предваряется подробным анализом таких тем, которые лишь изредка освещаются отечественными учеными: периодическая печать XVII в. в Европе, иностранные газеты в Московском государстве, — а также вопросов, касающихся конкретных приемов при составлении сводок в Посольском приказе: избирательность при выборе информации, основные интересы, техника перевода. Изданные коллективом авторов русские тексты и обнаруженные и прокомментированные Майер тексты иностранной периодической и непериодической печати, послужившие источниками для русских

сводок, оказались в параллельном изложении ценнейшим источником для изучения развития переводческой техники в XVII в., а также по истории русского литературного языка, в первую очередь — языка политиков, государственных служащих (приказных), образованных слоев московского общества.

Отдельные разделы работы Майер [Вести-Куранты 1972–2017, 6, 1: 153–190] посвящены вопросам, представляющим для специалистов интерес не только лингвистического характера, но и мировоззренческого, поскольку служащие Посольского приказа, пересказывая прессу, вынуждены были передавать и сообщения об отсутствующих в России традициях или явлениях в тех выражениях и категориях, которые должны были быть понятны русскому человеку:

«Ис Царягорода к намъ пишутъ, что салтанова мат[ъ] zelo ищетъ того, чтоб самого салтана и всѣхъ начальныхъ его отставить и того ради всѣхъ янычар к себе приговорила» [Вести-Куранты 1972–2017, 7: 76].

«В цесарскихъ отчинныхъ земляхъ ныне указъ никакихъ венгровъ безъ пасовъ / безъ проѣзжихъ/ нигдѣ пропускать не велено» [Ibid.: 130].

«Ис Полши пишутъ, что тамо многихъ робятъ крадутъ, а сказываютъ, что то чинять избавления ради нѣкоторого великого человѣка сына в вязении у турка, или на продажу туркомъ»¹ [Ibid.: 182].

«[...] Да издѣс же прислано ис Полши нѣкоторые чюдные характары, начертания для показания Афонасию Кирхерию, мужу зѣломудрѣйшему в науке математической, емуже чають нигде подобного не обрѣтается, и о томъ смотря тѣ характары, сказал, что тѣ суть начертания могоцийския², но что толкуют, того ему неизвѣстно» [Ibid.: 194].

Майер останавливается на адаптации ономастической лексики, переводах названий, передаче топонимов, антропонимов, географических названий, анализирует подход при переводе имен политиков, часть которых входила в число приоритетных, требующих фокусировки внимания, а другая вообще могла не упоминаться в сводке как неизвестная или малозначительная для Московской Руси. Сводки В-К представляют собой итог не только переводческой работы, но и тщательного рецензирования и творческого реферирования «курантельщиками» материалов зарубежной прессы [Крысько, Maier 1997: 304].

Нельзя не отметить, что многолетнее последовательное научное издание В-К позволило ученым перейти к обстоятельному анализу и систематизации богатейшей информации, в них содержащейся. С. М. Шамин, непосредственный участник издания В-К, в ряде работ и в монографии 2011 г. «Куранты XVII столетия» [Шамин 2011] дал ответы на многие вопросы о зарождении, эволюции, содержании и функционировании русских сводок иностранной печати, а также сформулировал дальнейшие задачи их изучения. Исследования Майер и

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация при цитировании приближены к современным нормам.

² Авторы издания предполагают, что слово происходит от лат. *magici* — 'магические'.

Шамина восполнили существовавшую в науке лагуну в изучении информационного пространства России XVII в.

В 2010 г. на шестой том издания В-К вышла обстоятельная рецензия Л. И. Сазоновой [Сазонова 2010], в которой нашлось место обсуждению как достоинств, так и недочетов издания. Сазонова отметила, что куранты — это совершенно новый для древнерусской письменности жанр XVII в., методы изучения и описания которого только еще вырабатываются, а потому для работы с ним «потребовалось создание специальной текстологической методики, в частности для идентификации источников-оригиналов» [Ibid.: 43]. Сазонова подробно рассматривает, в чем именно состоит новизна этих методик. Поскольку сводки с 1668 г. составлялись сразу из нескольких источников на разных языках, а европейские печатники заимствовали материал друг у друга, то зачастую определить с большой долей вероятности конкретный источник сведений для русского текста сложно. В таких случаях Майер определяла два-три потенциальных «оригинала», а затем сопоставляла используемые в этой же сводке уже атрибутированные источники или ориентировалась на наличие газеты в московских архивах и изучение на них помет переводчиков. Поиск источников затрудняется тем, что в близком к тексту оригинала русском переводе-пересказе могло использоваться сразу несколько статей. Подобную трудоемкую работу, фактически — текстологию иностранной прессы и сопоставление разноязычных источников одинакового содержания с русскими переводами-рефератами, можно назвать текстологией «в квадрате», поскольку подразумевается многократная сверка одних и тех же материалов на нескольких языках.

Не имеет смысла пересказывать все достоинства параллельного издания текстов русских курантов и западной печати в шестом томе, подробно проанализированные Сазоновой, интереснее рассмотреть в связи с выходом в свет седьмого тома, насколько для авторов оказались важными ее рекомендации.

Основное замечание исследовательницы к эдиционной части касалось способов передачи на печати графем буквы «я», а также ее предложения касались Указателей. Сазонова отметила, что в рукописях XVII в. встречаются четыре способа или четыре графемы для передачи буквы «я»: **ѣ**, **ѣ**, **ѣ**, «особый знак типа прописного Е, переходящего в 'а'», — и отметила в качестве недочета, что авторы передают указанные графемы непоследовательно, преимущественно как **ѣ**. По ее мнению, желательно воспроизводить первые три графемы, а для передачи «особого знака» использовать букву «я» [Сазонова 2010: 44–45]. Стоит отметить, что в классических работах по палеографии «особый знак» традиционно рассматривается как скорописный вариант йотированной «а», — поэтому встает вопрос, имеет ли смысл вообще обращать внимание на способы написания скорописной **ѣ** (тем более что «особых знаков» для этой буквы было несколько³) и таким образом отделять полууставную **ѣ** от других графем для «я»? Тем не менее, авторы

³ Как отмечают Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин, разные варианты в скорописи для «я» получаются «в результате ломки мачты и перекладины у буквы **ѣ**» [Чаев, Черепнин 1947: 150]. Е. Ф. Карский приводит несколько вариантов скорописной «ѣ» и объясняет появление «особых знаков»: «В великорусской скорописи с **я** произошла та же перемена, что и с **ю**: левая сторона постепенно утратилась, обратившись лишь в росчерк [...]» [Карский 1901: 214].

нового тома добросовестно приняли это замечание Сазоновой и последовательно передали «особый знак» как «я». Насколько последовательно передана была полууставная графема **ѧ**, сказать сложно, потому что для сравнения необходимо обратиться к оригиналам сводок: в нескольких приведенных черно-белых фотокопиях она нам не встретилась.

Вслед за В. Г. Демьяновым, подготовившим впервые Указатель *всех* слов В-К [Вести-Куранты 1972–2017, 5: 160–208], авторы шестого и седьмого томов снабдили их таким же справочным аппаратом (в седьмом томе — под названием «Указатель апеллятивной лексики»). Таким образом, подобный тип Указателя уже стал хорошей традицией при издании текстов курантов и может послужить образцом для Указателей к древнерусским памятникам XVII в. Критика Сазоновой «Указателя слов» к шестому тому касалась «отсутствия строгой установки на обобщение вариантов слова — орфографических, фонетических, фонеморфологических, морфологических и др.» [Сазонова 2010: 45] и непоследовательности редких обобщений. Например, такие лексемы как «ишпанцы» и «гишпанцы», отражающие разное произношение одного и того же слова, следовало бы поместить в Указателе в качестве фонетических вариантов в одном лексическом гнезде. Такие же доводы относятся к словам «аглечаня» и «англичаня», «винецьяне» и «виницеене», а также «генварь» и «январь», которые вообще оказались в разных частях алфавита [Ibid.]. В то же время, как отметила Сазонова, «одмиральский» в Указателе совмещен с «адмиральский». Как показывают материалы «Указателя апеллятивной лексики» седьмого тома, авторы отказались от предложенной идеи обобщения слов по разным признакам, и с ними в этом стоит согласиться, так как подобная работа не имеет отношения к Указателю слов к текстам документов и требует дополнительного лексикографического и словообразовательного исследования, необходимого при составлении, например, словообразовательных словарей. В то же время для указания вариантов слов авторы Указателя (Е. В. Аманова, А. В. Кузнецова, В. Б. Крысько) прибегли к системе отсылок от варианта слова к лемме (нормализованной, основной формы слова), например: «козак см. казак», «одмирал, см. адмирал» и т. д., при этом, отметим, обратных отсылок нет (от леммы к варианту), то есть от слова «казак» к слову «козак» отсылки нет, нет ее и в случаях «адмирал»/«одмирал» или «многожды»/«многажды» и т. д. При этом два варианта одного слова, из которых невозможно было, по-видимому, выделить основную форму, например «гишпанский»/«ишпанский», перекрестных отсылок не имеют вообще. В XVII в. литературная норма еще не является устоявшейся и закрепленной словарями, поэтому ориентироваться на нее не представляется возможным (орфографическая вариативность остается все той же, что и в предыдущие периоды древнерусской письменности), и перекрестные отсылки были бы желательны во всех указанных и других подобных случаях. Непоследовательное применение системы отсылок затрудняет, на наш взгляд, поиск по Указателю, поскольку читатель не может быть заранее осведомлен обо всех вариантах разыскиваемой лексемы и не всегда может догадаться, разыскивая, например, «адмирал», что в другом конце Указателя находится лексема «одмирал». Стоит отметить, что число примеров подобной вариативности в В-К не так велико, поэтому ценность «Указателя апеллятивной лексики» не умаляют указанные частные недоработки.

Сазонова указала на желательность факсимильного воспроизведения текстов курантов, которые в шестом томе отсутствуют. В рецензируемом томе черно-белые образцы сводок, а соответственно, и выявленных почерков помещены в разделе «Иллюстрации», подраздел «Русские источники» [Вести-Куранты 1972–2017, 7: 755–775]. Авторы поместили и черно-белые изображения нескольких листов цитируемых европейских газет, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (подраздел «Иностранные источники» [Ibid.: 775–803]).

Остановимся на ряде формальных изменений при изложении материала в седьмом томе по сравнению с шестым:

1. Седьмой том В-К не разделен на две отдельные книги подобно шестому, он включает в себя и русские сводки, и иностранные первоисточники. Материала он содержит меньше, нежели предыдущий, что исходит, по-видимому, из рациональных соображений. Подготовка к изданию большего числа текстов В-К следующих лет существенно задержало бы выход тома. Издание же такого важного материала более дробными частями вполне оправдано, тем более что последний выпуск представляет собой объемный, но тем не менее удобный в использовании однотомник.

2. Увеличен шрифт. Стоит согласиться, что кириллический шрифт шестого тома труден для чтения, но, по-видимому, в таком масштабе он был использован для того, чтобы уместить в одну книгу материал большого объема. Новый шрифт увеличен, в том числе благодаря тому, что было принято решение публиковать текст с надстрочными знаками. И это делает чтение более комфортным.

3. Оглавление перенесено в конец тома.

Отметим принципиальные нововведения и изменения. «Указатель личных имен» шестого тома превратился в «Указатель личных имен и притяжательных от личных имен» [Ibid.: 722–732], что представляется удачным решением, поскольку не всегда возможно систематично и логично осуществить разделение личных имен и производных от них названий объектов, явлений, мест, а затем без отступлений последовательно распределить материал по разным указателям, преумножение же указателей не всегда оправдано. Например, производные от имен Дорошенко («Дорошенкова сторона» в значении «сторонники гетмана Петра Дорошенко», «Дорошенков сын») или Магомет («Магметов гроб», «Магметева мечеть») находились в предыдущем томе в перечне «Наименований, не вошедших в указатели личных имен и географических названий» [Вести-Куранты 1972–2017, 6–1, 853–855], которого нет в новом томе. Приведенные в качестве примеров слова перенесены в «Указатель личных имен и притяжательных от личных имен», что облегчает обнаружение искомой лексики.

Еще один небольшой «Указатель иных имен собственных» включает слова и словосочетания, служащие названиями органов власти, организаций, воинских подразделений, государственных договоров, священных мест и т. д., типа: «Гроб Господень», «Дума тайная», «Пасха», «Оттоманская порта» и др. [Вести-Куранты 1972–2017, 7: 752].

Русские тексты подготовлены к изданию С. М. Шаминым и А. В. Кузнецовой, которые сохранили принятые предыдущей редакцией принципы передачи текста. Самое главное новшество седьмого тома — воспроизведение надстрочных знаков при передаче русского текста, также впервые передается знак переноса

(графически =). А. И. Корнилаева воспроизвела надстрочные знаки по оригиналам и сверила тексты. Как сообщает исследовательница в обстоятельной вводной статье «Передача акцентных и прочих диакритических знаков» [Ibid.: 32–46], «в совокупности куранты 1660–1680-х гг. могут считаться, очевидно, самым значительным по объему скорописным акцентологическим источником» [Ibid.: 32]. По мнению исследовательницы, тексты курантов в седьмом томе «воспроизводятся существенно ближе к оригиналу, чем в предыдущих выпусках» [Ibid.], поскольку сохраняются все три знака ударения: оксия (в т. ч. в составе иктусного исо), вария (только иктусная) и камора (в курантах она неиктусная). Также в издании воспроизводятся паерок, краткая, простое титло. Анализ употребления надстрочных знаков исследовательница соотнесла со сведениями о четырех выявленных почерках, которыми переписывались куранты в 1671–1672 гг., и пришла к выводу о том, что, следуя в основном древнерусской, в т. ч. старопечатной традиции знаков акцентуации, писцы достаточно индивидуальны в их использовании. При этом исследовательница отказывается от воспроизведения всей системы диакритики: «Поскольку употребление спиритуса есть лишь дань греческой традиции, принято решение не передавать его при публикации...», «Не воспроизводится и оксия в сочетании со спиритусом », если она входит в состав неиктусного исо, т. е. не передает ударения [...]» [Ibid.: 34]. Интересны наблюдения Корнилаевой о восприятии надстрочных знаков в качестве элемента украшения: «Декорирование курантов знаками ударения, усердно практикуемое первым писцом (вопреки традициям скорописного письма вообще), проявляется особенно ярко в его работе над подносными экземплярами, т. е. предназначенными для личного просмотра царем Алексеем Михайловичем и боярами из ближайшего окружения» [Ibid.: 43]. Отмечает исследовательница и очевидную работу редактора, проставлявшего надстрочные знаки, и ученические почерки, что заставляет задуматься о преемственности в профессии. Редакторы, скорее всего, из приказных Посольского приказа, вводили в курс дела новых специалистов и тренировали, надо думать, их навыки не только в переписке, но и в вопросах внешней политики. Изучение акцентуации текстов В-К — новый этап в исследовании, свидетельствующий, что теперь, когда русские тексты и первоисточники введены в научный оборот и доступны для дальнейшего изучения, ученые приступают к изучению лингвистических нюансов и апробируют более совершенные Указатели.

Стоит остановиться также на некоторых традиционных принципах издания текста В-К. Отметим, что в шестом, а затем и в седьмом томе было принято упрощение, никак не оговоренное в «Принципах воспроизведения и комментирования текста» [Вести-Куранты 1972–2017, 6, 1: 62]: авторы отказались от графемы **m** и оставили только **t**, в то время как в предыдущих пяти томах использовались обе. Но в предварительной статье все так же сообщается, что текст русских сводок «воспроизводится “буква в букву”» [Ibid.] Надо отметить, что на передаче смысла и качестве издания отказ от **m** никак не сказался и неизвестно, заметили ли читатели В-К это «отступление». На наш взгляд, не пострадало бы издание и при отказе от ряда других графем. Как сообщают Крысько и Майер в качестве рецензентов 5 тома В-К, «принятые в отделе лингвистического источниковедения ИРЯ РАН правила публикации *древних* [курсив мой. — О. С.] письменных источников дают возможность, не усложняя чтение сложными шрифтами и вместе

с тем не искажая текст современной пунктуацией, вполне адекватно передать орфографические особенности оригинала, не говоря уже о фонетических и грамматических» [Крысько, Maier 1997; переиздание см.: Крысько 2007: 75]. Хочется возразить авторам рецензии, что речь идет вовсе не о «древнем письменном памятнике» и никакой смысловой нагрузки при передаче текста позднего памятника использование графем, стилизованных под начертания славянских букв, не несет, более того, символы из «сложных» шрифтов все же встречаются. В седьмом томе особенно удивляет использование графемы для славянской буквы «ук» в самом редком ее варианте, по типу парадного инициала, в то время как с первого издания «ук» передавалась самой распространенной формой Ѹ. Но какой бы графемой буква «у» ни передавалась, она всегда в текстах В-К обозначает только самое себя. Лишь изредка в деловой письменности этого времени Ѹ коррелирует с диграфом **ou** и в редчайших случаях с ижицей **v** (при этом ни ижица, ни диграф не встречаются в седьмом томе). Насколько важно присутствие этой графемы в издании текстов XVII в.? То же самое можно сказать и об **ω** «омега», которая обозначает только букву «о». Буква **з** «зело», характерная, по-видимому, только для одного писца курантов (речь о томе 7), всегда передает букву «з». Отказались издатели и от вариантов для и десятиричного (**ī**, **î**), сохранив, тем не менее, **i**. В русском языке XVII в. не так много слов, значения которых кардинально бы различались в зависимости от написания и/î в корне слова, — к тому же при ненормированной орфографии и здесь возможны варианты. Так, классический пример для различения слов — *mirъ* (вселенная, народ и т. д.) и *mirъ* (отсутствие войны) — не будет актуальным для текстов В-К: лексема «мир» употребляется здесь, как кажется, только в значении «отсутствие войны», а во-вторых, в текстах XVII в. в данном случае имеет место орфографическая вариативность. Остальные случаи — написание союза через «и» или «i», индивидуальное употребление «i» в окончаниях (Антиохіі, оні, хотѣлі) или орфографические варианты «имяни»/«імяни» — не являются принципиальными и интересными для представления о языке памятника. Возникает вопрос, почему издатели посчитали возможным отказаться от **m**, отказались от скорописной **ia** (передав ее как «я»), от **ī**, но сохранили, например, **з**, **i**, **Ѹ**, **ω**, **ѡ** и т. д. Таким образом, избирательность при передаче графем присутствует, но на чем она основана, авторы не объясняют. Передача ряда букв устаревшими графемами и сохранение многих особенностей орфографии представляется неоправданным усложнением, которое приемлемо, например, при издании Азбуковников, где упрощение приведет к нарушению алфавитного принципа, или при издании алфавитных указателей, которыми древнерусские книжники в XVII в. начинают снабжать оригинальные и переводные сочинения. Конечно, некоторый «аромат истории» при подобной стилизации чувствуется, но как его будут сохранять исследователи при цитировании издания В-К? Такой же вопрос возникает в связи с сохранением пунктуации сводок XVII в. или с отказом раскрывать прилагательные и местоимения **m** и **sr**. рода в **P** и **B**. **p** с выносным **r** (тог, ег, чег, всяког и т. д.), с отсутствием мягкого знака в инфинитивных формах. При составлении же Указателей авторы В-К вынуждены были прибегать и к реконструкции слов, и к упрощению орфографии, например, унифицировать разные написания, избрав наиболее близкий современному (передать **з**, **z** как **з**; **и**, **i** как **и**). Приведем пример из текста В-К (не самый сложный для

воспроизведения по принципу «знак в знак», но все же помещаем его копию [Вести-Куранты 1972–2017, 7: 239]):

| числа х королевѣскому величеству | пришли хъдые вѣсти из Украи|ны, и тог
ради королевѣское вели|чество хочет послат в Украинѣ⁵ | своег надворного
воиска пѣшего | и драгѣнського строю,, |

Очевидно, что при цитировании В-К часть исследователей откажется от надстрочных знаков, часть — от оригинальной пунктуации (две запятые в конце предложения вряд ли одобрят какой-либо редактор), часть предпримет реконструкцию слов: «тог» — тог[о], «своег» — своег[о], «хочет послат» — хочет послат[ь] (в первых томах издания такая реконструкция имела место!), часть упростит графику: «ис» — из.

Некоторые слова, переданные сокращенно в рукописной традиции и не раскрытые в издании В-К, могут быть понятны только прошедшим курс палеографии. Так, не всякий специалист по Новому времени сможет в ряде случаев отделить «де» («день») от частицы «де» и верно процитировать, например, следующий текст: «Июля въ .Д. де в Гагу приѣхали» [Ibid.: 330]. Допустим, это вопрос внимания читателя к научной сопроводительной части и к «Списку сокращений, употребляемых в текстах», но для понимания текстов В-К тогда должна, по-видимому, прилагаться и таблица буквенной цифири, поскольку в издании В-К все даты и числа переданы славянскими буквами (эта традиция сохраняется с самого первого тома В-К). Не всякий читатель — даже историк — сможет верно прочесть славянскую цифирь. Читатели вряд ли поймут без специальной подготовки и верно передадут при цитировании следующие тексты:

В розных морских пристанищах на смотре объявилос | ЧА, карабль
воинских, а на них ратныхъ | людеи .К.ѠУ, ☉ да .ЕРПС, | пушекъ, и послан
к нимъ ѡказъ | чтоб они вѣсгда готовы были, итить | на море, а сверхъ
[Ibid.: 173].

еѡимков, такъж шваицары, | пѣшие и конные приѣзжают. | многие а въ
.KS, де генваря | досталных ѡранцѣзов .Г. ☉ | конных да .Д.І, ☉ пехоты
[Ibid.: 321].

Возможно предположить, что даты и числа станут ясны читателям при обращении к иностранным оригиналам, где они даны арабскими цифрами, однако не для всех фрагментов определены источники — и они редко переводились дословно. Например, для данных отрывков оригиналы не обнаружены: «...и собирает .И.І. члѣвкъ» [Ibid.: 307], «...и здѣс турских вязнеи 3 члѣвкъ» [Ibid.: 309]. Обратим внимание, что издатели В-К отказались от передачи традиционного титла над цифирью, позволяющего различать буквы и обозначаемые ими числа. Читатель, не имеющий опыта работы с рукописными источниками (а комментариев в данных случаях нет), может принять в последнем примере 3 «землю» (т. е. 7) за

цифру 3. На с. 163–164 седьмого тома приведен на основании сообщения из Амстердама от 14–15 июля 1671 г. интереснейший перечень товаров, привезенных на одиннадцати кораблях из «восточной Индѣи». Количество товаров — а их экзотических наименований более пятидесяти («хиндось», «гинга», «матопс», «полотна донгрисъ», «связокъ эбнового дерева», «алмазов недѣланных» и т. д.) — указано для каждой позиции цифирью [Вести-Куранты 1972–2017, 7: 163–164]. Если бы не публикация оригинала на с. 548–550 и комментарии Майер [Ibid.: 548–550], работа с этим списком отняла бы немало времени даже у специалиста, тем более что речь идет о больших числительных и в ряде случаев используются дроби:

АЦМИ.² каты. /каты вѣсом | еунтъ съ .Е.ю | долюю/ тонъквинскогѡ
шолку |
*Р*ПР.КИ.³ ѡхнтоѡ краски крѣтикъ⁴. |
*ИХЧД. ѡхнта бенъюна. |
*Р*О*ДУІ. ѡхнтоѡ малакъского олова. |
два милиона, и, *Р*Ч*ЕЛГ. ѡхнта. | чистые селитры.
| л. 172 | *Ψ*³ДХП. ѡхнтоѡ, розных сахаров. |
*С*ІСЗ. фѣнтоѡ, гвоздики, |
*Р*К*ΘΩМИ. ѡхнтоѡ, орешков мѣшкатныхъ. |
*³ДХП, ѡхнтоѡ цвѣтъ⁵ мѣшкатного. |
*У*К*ИТΘІ. ѡхнтоѡ цеилонскои ко|рицы. |
*³SP. орѣховъ мѣшкатных в патоке. |
*ДФ³Θ. связокъ эбнового дерева. |
*С*ЕХПВ. ѡхнта сандалѡ. |
*Р*В*ІЦГ, ѡхнта сапанова дерева. |
*ВФИ. алмазов недѣланных,

[Ibid.: 164].

Возникает вопрос, почему издатели отказались, например, от титла над буквенной цифирью (сохранив его при этом при написании ряда существительных и прилагательных), от реконструкций формы слов (прилагательных и местоимений) с выносным *z* в случаях, когда она очевидна? Такой же вопрос встает в связи с отказом от современного написания числительных, современной пунктуации, хотя подобные принципы уже апробированы в изданиях поздних летописей, житий, документов XVI–XVII вв.: в Полном собрании русских летописей (по сформулированным А. А. Шахматовым принципам), «Летописце Еллинском и Римском» [Творогов, Давыдова 1999–2001], «Степенной книге» [Покровский, Ленхофф 2007], Библиотеке литературы Древней Руси⁴, многочисленных в последнее время изданиях документации монастырей, архиерейских домов, приходных и других хозяйственных книг. Показательно, что С. М. Шамин в своей

⁴ Издание Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), выходит с 1997 г.

монографии, посвященной В-К, цитирует тексты русских сводок по традиционным для публикации памятников XVII в. правилам, а не по принципам, предложенным в издании В-К. Несмотря на то что жанр курантов — особый, новый для древнерусской книжности, его язык, графика, орфография, синтаксис не являются уникальными и находятся в русле процессов, характерных для всей письменности указанного периода, когда не имеет принципиального значения различие при написании одной буквы разными способами, кроме редких исключений, так же как и индивидуальные особенности пунктуации писцов.

Аудитория читателей В-К, не ограничивающаяся только исследователями русского языка XVII в., будет вынуждена заниматься интерпретацией этого издания В-К, т. е. производить работу, во многом подобную обработке рукописного текста: передача цифири арабскими эквивалентами, упрощение графики и орфографии, раскрытие слов, расстановка знаков препинания. Интерпретации не будут одинаковыми, в результате при цитировании появятся разночтения. Представляется, что задача научного издания — дать такую интерпретацию текста компетентными специалистами, на которую можно было бы ориентироваться как на образец. В противном случае цитирование на усмотрение исследователя и в зависимости от разных задач приведет к неоднозначной передаче текста издания. Так, например, сами рецензенты пятого тома при цитировании текста В-К оговариваются: «[...] ради наглядности [курсив мой.—О. С.] орфография и пунктуация приближены к современной норме» [Крысько, Maier 1997: 302]. Цитирование издания В-К «буква в букву» сложно даже для специалистов и требует использования дополнительных шрифтов.

Второй раздел эдиционной части седьмого тома «Иностранные оригиналы к русским текстам» подготовлены Майер [Вести-Куранты 1972–2017, 7: 339–560]. Принципы издания воспроизводят уже апробированный в шестом томе способ передачи фрагментов из европейских печатных изданий, реферируемых русскими переводчиками. Публикация каждого текста сопровождается указанием на место нахождения атрибутированного источника, в комментарии дается его название и объяснение характера работы с ним служащих Посольского приказа: сознательные изменения, уточнения, сокращения, более или менее точные пересказы, возникшие недоразумения от неправильно истолкованной информации, противоречия в датировках в связи с использованием разных стилей и перепечаток известий разными европейскими типографами с опозданием или опять-таки с ошибками. Майер показывает, как приказные, регулярно анализирующие сведения одной тематики, на свое усмотрение снабжают время от времени перевод отсутствовавшими в источнике уточнениями и разъяснениями, в результате чего русский текст становился более ясным и точным, нежели оригинал. Комментарии Майер — одна из ценнейших частей издания, потому что они раскрывают все переводческие приемы при работе с иноязычными текстами и делают их доступными для дальнейших исследований лингвистов, историков, культурологов.

К сожалению, материал предварительных статей седьмого тома не дает сведений об общем количестве опубликованных текстов, русских и иностранных. В шестом томе приведены внушительные цифры выявленных и атрибутированных для русских сводок источников, об этом стоит напомнить: «[И]з приблизительно 1600 микротекстов, опубликованных в русской части данного издания, примерно

700 однозначно (или с большой долей вероятности) переведены с немецкого языка, а 650 — с нидерландского. Для оставшихся микротекстов (около 300) нельзя сказать, с какого языка они переведены [...]» [Вести-Куранты 2008, 6, 2: 210]. Подобные статистические данные были бы весьма полезны и в седьмом томе, поскольку они дают представление об объеме материала, вводимого в научный оборот, а также демонстрируют соотношение между сводками, составленными «посольскими» приказами, и привлеченными ими источниками.

Отметим, что во введении к седьмому тому не обозначено, как авторский коллектив определяет тип нового тома В-К, и не сообщается, на кого в большей степени он ориентировался при выборе достаточно сложных эдиционных принципов. При издании В-К, на наш взгляд, от ряда элементов вполне обоснованно можно было бы отказаться. Решение не включать все надстрочные знаки очень показательно, по тем же соображениям возможно отказаться от славянизированной графики, от достаточно индивидуальной пунктуации каждого из писцов. Новое издание (седьмой том) в чем-то будет достаточным для исследователей-лингвистов, а в чем-то и нет: исследователи акцентуации вынуждены будут все же заглядывать в оригиналы, так как принцип воспроизведения надстрочных знаков избирательный. Для историков же цитирование будет представлять некоторую сложность: неизбежно придется исключать надстрочные знаки, модернизировать написание дат, приближать орфографию и пунктуацию к современным, раскрывать написания типа «тог», «святог», «великог», «нне», «ннешняг времена», «гсдина Беницког» и др. — то есть привносить, как уже говорилось, свою интерпретацию в уже изданный текст. Последовательно придерживаться принципа «буква в букву» при издании позднего памятника сложно и не всегда необходимо, поскольку несущественных, традиционных и уже не несущих семантической нагрузки элементов в этот период много, к тому же проявляются индивидуальные пристрастия переписчиков, очевидно влияние украинской писцовой школы. Отметим, что оригиналы этого же времени на европейских языках переданы Майер без сохранения надстрочных знаков, сокращений, каких-либо особенностей графики и орфографии, что не мешает их использованию с текстологическими и источниковедческими целями. Вопрос публикации средневековых памятников — один из самых сложных в усвоении исторического наследия, и история издания В-К тому доказательство. По-видимому, эдиционные принципы В-К еще будут развиваться и совершенствоваться. Высказанные замечания находятся в поле вечной дискуссии о принципах передачи рукописного текста и несколько не умаляют значения издания и заслуг ученых, тщательно работавших над изданием В-К, апробирующих разные методы интерпретации и способы комментирования текстов.

Настоящее издание предоставляет возможность ознакомиться с жанром, предназначенным для «избранных» и не тиражируемым, а потому стоящим особняком в книжности XVII в. и требующим еще специального изучения. Трудно переоценить его значение для изучения приоритетов русского правительства во внешней политике допетровского времени, истории дипломатии, истории взаимоотношений со странами Европы и Азии и даже более широко, как уже говорилось, — мировоззренческого аспекта: В-К убедительно демонстрируют избирательность государственных служащих при отборе тем, стран, персон, слухов.

Хочется добавить, что чтение В-К представляет не только научный интерес, но является и захватывающим занятием. Нетрудно представить себе чувства и реакции государственного деятеля XVII в., слушающего пересказ иностранной прессы о событиях в своей стране, например, о восстании Степана Разина, или о том, как интерпретируются политическими противниками те или иные решения московского правительства, о надвигающихся эпидемиях, новых военных союзах, торжественных церемониях, чудесах от мощей святых или необычных явлениях, имевших место в европейских городах, известных современным читателям [подробно см.: Шамин 2011: 210–280]. Приведем примеры подобных сообщений:

«Из Амбурка мая 8 дня. С нѣкоторыми пришелцами чрез Любокъ вѣдомость, что в московских странах о Разине воре еще имѣють промышление, а что сказываютъ, будто ево людей побито много, и то не истинна, потому что побито деревенских мужиков множество, а с нынешними московскими грамотками марта 28-г дня вѣдомость к нам, что Разина опасны и паки собираются, и силу свою болше укрепил, нежели умалил, и о том опасны, чтоб не учинил великого скока, и на Москвѣ противъ него крѣпко вооружаются» [Вести-Куранты 1972–2017, 7: 130].

«Из Рима сентября въ 12 день. Истечение крови от руки чудотворца Николая истинно было, потому что по свидѣтельству объявилось тако, и ковчег указали затворить и впредь никому не казать» [Ibid.: 207].

«Такъж в Венгерской Вышней землѣ видели на небе комету в 11 числе, которая естеством своим являетъ на Полшу войну» [Ibid.: 207].

«На галанском караване, которой из Индѣи приѣхал, имѣет бога[...]»⁵ 80 бочек золота, а иные говорятъ 12 миллионов» [Ibid.: 207].

Язык сводок — это не казенный или макаронический язык документов XVIII в., а очень точный, логичный язык, хоть и преднамеренно лишенный стилистических украшений, но отражающий политическую терминологию, фразеологию, идиоматику, которую использовали государственные служащие XVII в. для передачи важных для правительства сведений: «[...] Куранты предоставляют в распоряжение исследователей, можно сказать, высшую письменную форму обиходного языка своего времени, практически свободную от архаизмов, избегающую явных диалектизмов и ориентирующуюся на повседневную речь образованных слоев русского общества, которые не чуждались заимствований, естественных при описании иноземных реалий, но отнюдь не злоупотребляли ими — не даром иноязычные вкрапления в тексте В-К порой сопровождаются глоссами [...]» [Крысько, Maier 1997: 302].

Издание В-К является плодом долгого добросовестного труда, тонкой археографической, кодикологической, палеографической работы. Введенный в научный оборот огромный пласт информации существенно обогатил источниковую

⁵ Несколько букв утрачено.

базу для исследований русского XVII века. Хорошо структурированное серийное издание В-К, несомненно, будет востребовано очень широким кругом читателей – как специалистов, так и любителей.

Библиография

Источники

Вести-Куранты 1972–2017

- 1: *Вести-Куранты. 1600–1639 гг.*: [Тексты], изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова, Москва, 1972.
- 2: *Вести-Куранты. 1642–1644 гг.*: [Тексты], изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова, Москва, 1976.
- 3: *Вести-Куранты. 1645–1646, 1648 гг.*: [Тексты], изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, под ред. С. И. Коткова, Москва, 1980.
- 4: *Вести-Куранты. 1648–1650 гг.*: [Тексты], изд. подгот. В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина, под ред. С. И. Коткова, Москва, 1983.
- 5: *Вести-Куранты. 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг.*: [Тексты], изд. подгот. В. Г. Демьянов, отв. ред. В. П. Вомперский, Москва, 1996.
- 6: *Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.*, Ч. 2: *Иностранные оригиналы к русским текстам*, исслед. и подгот. текстов Ингрид Майер; [отв. ред.: В. Б. Крысько], Москва, 2008; *Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.*, Ч. 1: *Русские тексты*, изд. подгот. В. Г. Демьяновым при участии И. А. Корнилаевой, завершение работы над изд. и подгот. к печати: Е. А. Подшивалова, С. М. Шамин; под ред. А. М. Молдована и И. Майер, Москва, 2009.
- 7: *Вести-Куранты: 1671–1672 гг.*, подгот. текстов, исследования, коммент., указатели И. Майер, С. М. Шамина, А. В. Кузнецовой, И. А. Корнилаевой и В. Б. Крысько при участии Е. В. Амановой; под ред. В. Б. Крысько и И. Майер, Москва, 2017.

Литература

Карский 1901

Карский Е. Ф., *Очерк славянской кирилловской палеографии: Из лекций, читанных в Имп. Варш. Университете*, Варшава, 1901.

Крысько 2011

Крысько В. Б. Пятый том Вестей-Курантов, *Очерки по истории русского языка*, Москва, 2007, 71–80.

Крысько, Maier 1997

Крысько В. Б., Maier I., Рец.: Вести-Куранты. 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. Издание подготовил В. Г. Демьянов. Москва, 1996, *Russian Linguistics*, 1997, vol. 21 (3), 301–310. [Переиздано: Крысько 2011]

Сазонова 2010

Сазонова Л. И., [рец. на:] Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. 1: Русские тексты. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 856 с.; Ч. 2: Иностранные оригиналы к русским текстам. М.: Языки славянских культур, 2008. 700 с.: илл., *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2010, 69 (4), 40–47.

Покровский, Ленхофф 2007

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и комментарий: в 3 т., отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф, Москва, 2007.

Творогов, Давыдова 1999–2001

Летописец Еллинский и Римский: [В 2 т.], подгот. О. В. Твороговым и С. А. Давыдовой, вступ. ст. О. В. Творогова, С.-Петербург, 1999–2001.

Чаев, Черепнин 1947

Чаев Н. С., Черепнин Л. В., *Русская палеогеография*, Москва, 1947.

Шамин 2011

Шамин С. М., *Куранты XVII столетия: европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати*, Москва, С.-Петербург, 2011.

References

Chaev N. S., Cherepnin L. V., *Russkaia paleografiia*, Moscow, 1947.

Krysko V. B. Piatyi tom Vesti-Kurantov, *Ocherki po istorii russkogo iazyka*, Moscow, 2011, 71–80.

Krysko V. B., Maier I., [rev. of:] Vesti-Kuranty. 1651–1652 gg., 1654–1656 gg., 1658–1660 gg. V. G. Demianov, ed., Moscow, 1996, *Russian Linguistics*, 1997, 21 (3), 301–310.

Pokrovsky N. N., Lenhoff G. D., eds., *Stepennaia kniga tsarskogo rodoslovia po drevneishim spiskam: teksty i kommentarii: v 3 t.*, Moscow, 2007.

Sazonova L. I., [rev of:] Vesti-Kuranty. 1656 g., 1660–1662 gg., 1664–1670 gg., *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2010, 69 (4), 40–47.

Shamin S. M., *Kuranty XVII veka: Evropeiskaia pressa v Rossii i vzniknoenie russkoi periodicheskoi pechatii*, Moscow, St. Petersburg, 2011.

Tvorogov O. V., Davydova S. A., eds., *Letopisets Ellinskii i Rimskii*, St. Petersburg, 1999–2001.

Ольга Сергеевна Сапожникова,

кандидат филологических наук,

научный сотрудник

Научно-исследовательского отдела рукописей

Библиотеки Российской академии наук

199034 С.-Петербург, Биржевая линия, 1

Россия / Russia

olsapoj@mail.ru

Received October 27, 2018